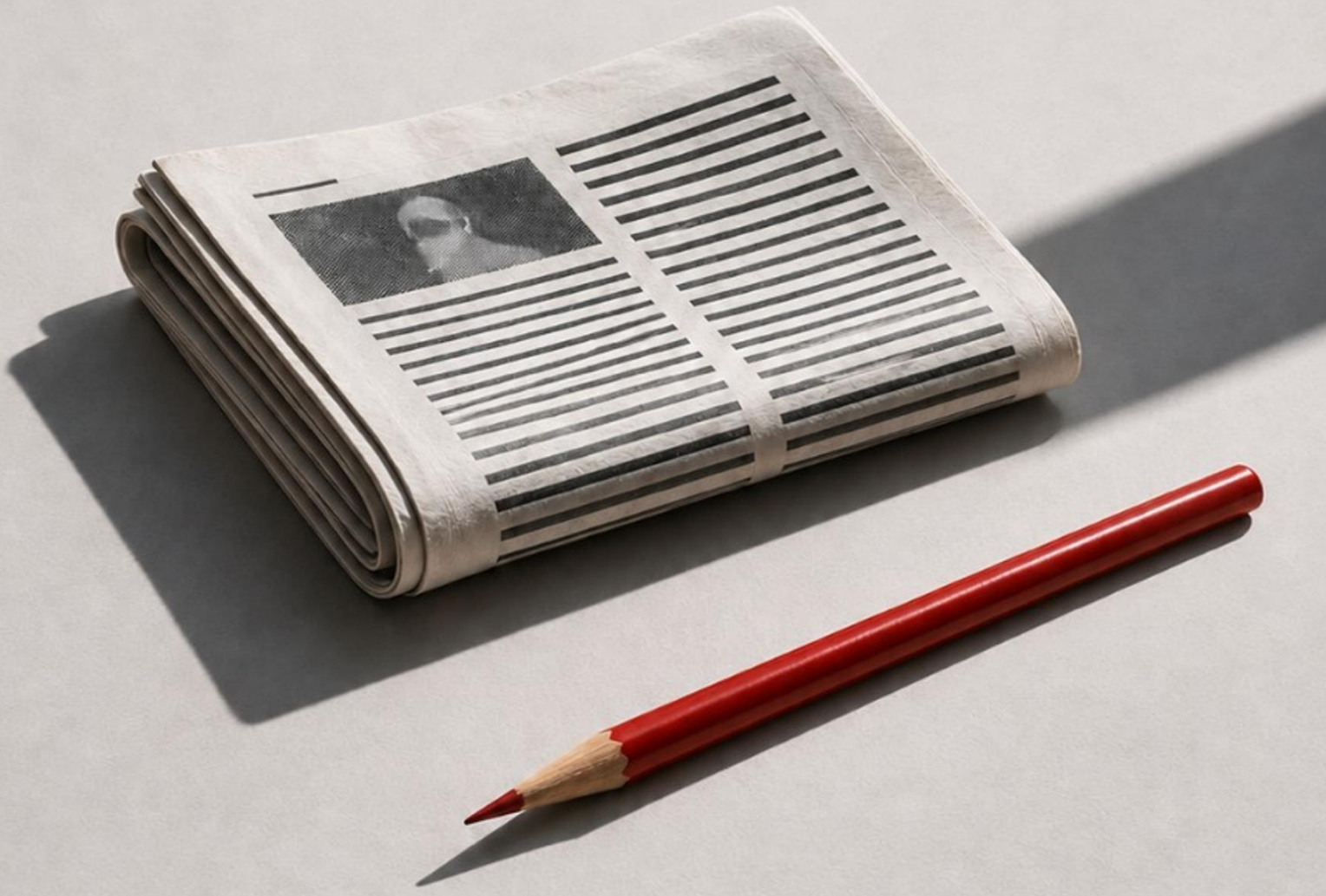
ДУРНАЯ СЛАВА

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Дурная слава

«Автор»
2026

Сунгурский А.

Дурная слава / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Журналист Роман Лаптев получает заказ на разоблачение владельца сети магазинов. Жалобы убедительны, фотографии выразительны, гонорар уже переведён. Только один покупатель не может вспомнить, что именно купил, а сам хозяин признаётся: скандал оплатил он.Роман ещё проверяет документы, когда под его именем выходит чужая статья. В ней предприниматель отвечает возмущённым людям у магазина. В тот же вечер его находят мёртвым.Чтобы вернуть себе право подписи, Роману придётся выяснить, зачем человек покупал собственную дурную славу и кому понадобилось заставить его появиться на экране в чужой день. В этой истории продают товар, которого нет, свидетельства, которых никто не давал, и чужую виновность. А настоящие долги остаются тем, кто поверил.

© Сунгурский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Цена вопроса 5
Глава 2. Покупатель 11
Глава 3. Свои люди 17
Глава 4. Хозяин 22
Глава 5. Подготовка 28
Глава 6. Старый номер 33
Конец ознакомительного фрагмента. 37

А.М. Сунгурский
Дурная слава

Глава 1. Цена вопроса

На фотографии человек держал пустую коробку так, будто в ней лежал ребёнок.

Роман придвинул снимок к окну. У мужчины были короткие, обломанные ногти, из-под рукава куртки выглядывал край больничного браслета. На картоне тёмным маркером написали «ОПЛАЧЕНО». Коробку держали за дно, осторожно; верхние створки раскрывались в обе стороны. Слева в кадр попала женская рука.

— Это кто? — спросил Роман.

— Покупатель.

— Слева.

Агата Селина посмотрела через его плечо, не касаясь ни стола, ни снимка.

— Его жена, вероятно. В папке есть контакты.

— Вы с ними говорили?

— Не я. Мне передали обращения.

За стеной работала дрель. Кто-то сверлил долго, с остановками, и каждый раз после тишины казалось, что теперь уже закончили. Агата открыла дверь, высунулась в коридор.

— Серёж, у нас встреча. Дайте двадцать минут.

Мужчина что-то ответил. Она прикрыла дверь, но дрель умолкла не сразу: сделала ещё два коротких рывка.

— Полку вешают, — сказала Агата. — Оказалось сложнее, чем арендовать помещение.

Роман положил фотографию на стол. Под ней лежали ещё три: закрытая дверь магазина, крупно снятая квитанция и тот же мужчина, уже без коробки. На последнем снимке он смеялся, отвернувшись от камеры.

— А это зачем?

— Всё, что прислали. Я ничего не отбирала.

Ответ ему понравился больше, чем следовало. Он пришёл готовым спорить с человеком, который принесёт готовую историю и попросит поставить под ней чужую фамилию. Неотобранные фотографии обещали хотя бы некоторую свободу.

Агентство сняло кабинет в центре Ярославля, но обжить его ещё не успели. У окна стоял широкий стол, возле двери — три одинаковых стула в магазинной плёнке. Плёнку со стула Романа сняли перед тем, как он сел; теперь она торчала из корзины, мешая закрыть крышку. На светлой стене остался квадрат от старой вывески. Новую — матовое стекло со словом «Реверс» — прислонили к подоконнику.

На сайте агентства Роман накануне прочёл про работу с общественным мнением, кризисные коммуникации и помощь в сложных переговорах. Фотографий сотрудников не было, зато имелось шесть отзывов с инициалами вместо фамилий. Он решил, что половину бюджета здесь тратят на то, чтобы не объяснять, чем занимаются.

— Вы представляете покупателей? — спросил он.

— Заказчика, которого беспокоит положение дел.

— Конкурента?

— В том числе и конкурент может беспокоиться.

— Тогда начнём с него.

Агата села напротив. Она была в сером платье с длинными рукавами; на правом манжете торчала нитка. Пока Роман просматривал снимки, она дважды пыталась незаметно оторвать её и оба раза оставляла в покое. Теперь прижала манжет ладонью к столу.

— Роман, мне вас рекомендовали как человека, который умеет проверять. Мне не нужен текст, который развалится после первого звонка. Григорий Устинов собирает деньги за товар, который люди не получают. Возможно, у него трудности с поставками. Возможно, он уже знает, что ничего не привезёт. Я хочу, чтобы вы установили, что именно происходит.

— Кто платит?

— «Реверс».

— А «Реверсу»?

— Эту часть договора я не предлагаю вам проверять.

Он вернул снимки в папку и положил её перед ней.

Агата не стала возвращать папку обратно. Посмотрела на неё, потом на Романа.

— Хорошо. Заказчик связан с одним из будущих решений Устинова. Имя я смогу открыть, если мы договоримся о конфиденциальности. Сейчас вы не получаете от меня ни утверждения о преступлении, ни обязательства опубликовать обвинение. Только предложение собрать сведения.

За стеклом двери прошёл мужчина с длинным металлическим уровнем. Уровень качнулся, ударил о косяк. Роман невольно повернул голову. Он плохо переносил чужую работу, которую прерывали ради него, особенно когда его собственная ещё не началась.

— Сколько обращений?

— Семь.

— На фотографиях один человек.

— Остальные не все хотят сниматься.

— Даты?

— Апрель и май.

— Сумма?

Агата открыла ноутбук, но цифру назвала раньше, чем экран успел зажечься:

— Чуть больше двух миллионов. По тем документам, которые у нас есть.

— Чуть больше — это сколько?

— Два миллиона сто восемьдесят тысяч.

Роман записал число на последней странице блокнота. В начале оставались вопросы для другого материала — о закрытой школьной мастерской. Тот текст редактор держал уже третью неделю. Сначала просил дождаться ответа, потом нового ответа, потом сообщил, что в истории не хватает надежды. Роман предложил дать надежде телефон директора, чтобы она сама ему позвонила. С тех пор переписка состояла преимущественно из приветствий.

— Устинов знает, что его проверяют?

— Ему звонили покупатели.

— Я про вас.

— Вы сможете задать ему этот вопрос.

— Обязательно задам.

— Я на это и рассчитываю.

Она сказала это без нажима, и Роман опять ощутил маленькое, неприятное удовольствие от того, что встреча идёт лучше, чем он ожидал. Обычно на этом месте ему начинали объяснять, почему объект нельзя тревожить, зачем необходимо поторопиться и какие слова лучше убрать из договора. Агата пока позволяла ему все привычные возражения.

— Есть ещё условие, — сказала она.

Он откинулся на спинку.

— Вот теперь давайте.

— В четверг вечером должен выйти первый материал.

— Сегодня понедельник.

— Я знаю.

— За три дня я могу выяснить, существуют ли ваши семь человек. Если они в разных городах, не обещаю и этого.

— Они здесь. Один может уехать.

— Это его право.

— Разумеется. Но от этого он не станет более доступным для вас.

В коридоре тихо засмеялись. Кажется, рабочие решили воспользоваться перерывом. Агата посмотрела на дверь, и впервые её спокойствие показалось Роману усилием, которое она делает сразу для нескольких людей.

— Что произойдёт в четверг? — спросил он.

— Устинов продолжит переговоры о продаже части бизнеса. Если потенциальный покупатель получит только красивые цифры, люди, которые уже заплатили, могут остаться между двумя хозяевами. Каждый будет отправлять их к другому.

— Вы сейчас назвали будущий результат, которого ещё нет.

— Поэтому я говорю с вами заранее.

Он открыл папку снова.

Квитанция была снята на жёлтом столе. Верх листка обрезали так, что осталась половина названия организации. Ниже можно было разобрать сумму: сто сорок восемь тысяч. Вместо подписи — тёмный короткий росчерк. Сгиб проходил через дату.

— Оригиналы где?

— У покупателей.

— Вы их видели?

— Я — нет.

— А кто видел?

Агата пододвинула к нему лист с телефонами.

— Начните с Игоря Дёмина. Мужчина на фотографии. Он готов встретиться завтра.

Роман перелистнул остальные копии. Один и тот же край печати попадал на разные строки. Были фотографии переписки, снятые с другого телефона; на одной поверх сообщения лежал полупрозрачный значок громкости. Кто-то пересылал слишком торопливо или слишком старательно изображал торопливость. Роман пока не знал, что ему нравится меньше.

— И сколько вы платите за мою тревогу о покупателях?

— Сто восемьдесят тысяч за работу.

Он поднял глаза.

Агата ждала. Она хорошо выбрала момент: папка уже была у него в руках.

— Включая публикацию? — спросил он.

— Подготовку, проверку, взаимодействие с площадкой.

— Я не продаю место на площадке.

— Его мы обеспечим.

— Тогда мою фамилию вы тоже обеспечите?

— Фамилия ваша. Текст ваш. Иначе я бы не приглашала вас сюда.

— Фотографии не мои. Сведения не мои. Срок тоже.

— Рабочие условия почти всегда предлагает заказчик.

Роман закрыл блокнот. Он мог встать сейчас, забрать куртку с соседнего стула и уйти, сохранив удобное впечатление, что его пытались купить, а он не продался. Через час пришлось бы написать редактору о школьной мастерской; вечером — проверить текст про скидки на сантехнику. Унитазы в том тексте назывались решениями для современной ванной комнаты. За каждое решение ему платили примерно столько, сколько стоило дважды пообедать.

Он потянул папку к себе, но открывать не стал.

— Сорок тысяч за первый этап, — сказал он. — Проверка обращений. Если люди не существуют или документы не подтверждаются, вы платите за проделанную работу и получаете записку о том, что они не подтверждаются. Никакого обвинительного материала я в этом случае не пишу.

— Согласна.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Оставшиеся сто сорок — только если продолжим. Отдельно согласуем, что именно я делаю. Публикация по моему окончательному согласию. Ни имя, ни черновик, ни запись разговора без него использовать нельзя.

— Это можно внести.

— И я разговариваю с Устиновым. Не посылаю ему пять вопросов за двадцать минут до выхода. Разговариваю.

— Да.

— Он может оказаться прав.

Агата убрала руку с манжета.

— Тогда, вероятно, это будет самый интересный результат.

На этот раз удовольствие не пришло.

Она распечатала короткое соглашение. Принтер стоял в коридоре; пришлось открыть дверь и попросить мужчину с уровнем передать листы. Тот вошёл сам. На виске у него была белая полоса штукатурки, а в кулаке он держал четыре шурупа.

— Внизу пустота, — сказал он, показывая на стену за Агатой. — Надо выше брать. Если на прежние дырки, вы полку потом с пола соберёте.

— Выше так выше.

— На двадцать сантиметров.

Агата вздохнула.

— Сделайте, чтобы стояло.

Он положил бумагу перед Романом, посмотрел на фотографии, но ничего не спросил.

В соглашении употреблялось слово «исследование». Роман вычеркнул «с правом использования заказчиком полученных материалов» и вписал ограничение от руки. Агата прочла, попросила вместо «любых» написать «подготовленных исполнителем» и пояснила, что иначе не сможет пользоваться собственными фотографиями. Роман согласился. Они подписали оба экземпляра; Агата сфотографировала реквизиты, которые он вписал на отдельном листе.

— Деньги сегодня, — сказала она. — С Дёминым я вас соединю.

— Не соединяйте. Я сам позвоню.

— Тогда предупредим, чтобы поднял трубку.

В прихожей Роман надел куртку и обнаружил, что оставил очки на столе. Вернувшись, он услышал из коридора голос Агаты:

— Да, взял. Нет, именно с проверкой. Я объяснила.

Она стояла к двери спиной. Увидев его в отражении окна, не стала прятать телефон.

— Роман, очки у принтера. Серёжа перенёс, когда мерил.

Он поднял очки с коробки бумаги. Агата продолжила разговор уже тише, а рабочий спросил, можно ли наконец сверлить.

На улице Роман постоял возле машины, разглядывая своё отражение в заднем стекле. Волосы на затылке примялись после ранней поездки, воротник завернулся внутрь. Он хотел позвонить знакомому и рассказать про женщину, которой понравилась мысль, что её противник может быть прав. Но знакомых, способных выслушать такую историю, оставалось немного, и почти все потом спрашивали, нельзя ли познакомить их с заказчиком.

Позвонила Даша.

— Ты ещё в центре?

— Собираюсь выезжать.

— Если мимо мастерской, забери мой чайник. Я его уронила.

— Ты обожглась?

— Нет, он пустой был.

— А зачем тогда забирать?

— Потому что ты сказал: когда будет что выбросить, не выбрасывай, я посмотрю.

Он действительно говорил. Причём не про чайник — про её работу, которую она собиралась снять с выставки. Но уточнять было поздно.

— Заеду.

— Только не начинай его чинить прямо здесь. У нас вечером сдача.

— Можно я хотя бы посмотрю?

— Вот за этим и прошу забрать.

Мастерская занимала первый этаж во дворе, куда Роман всякий раз въезжал слишком далеко и потом сдавал назад между припаркованными машинами. На двери висело расписание, написанное маркером по бумаге: «По времени согласовываем. Просто так закрыто». Под ним кто-то приписал: «Но стучите».

Он постучал.

Даша открыла локтем. В руках у неё была длинная белая буква, похожая на сломанную лестницу. На щеке осталась полоска зелёной краски.

— Подержи.

— Это что?

— «Я». Не переворачивай, там клей.

Он принял букву обеими руками и сразу понял, что взял неудобно. Нижний конец упирался ему в бедро, верхний тянул вниз; перехватить, не испачкавшись, было трудно. Даша уже шла вглубь мастерской.

— Даш.

— Сейчас.

В помещении пахло пластиком, кофе и чем-то сладким, аптечным. У стены лежали слова без промежутков: «СЕМЕЙНЫЙ», «ВЫБОР», «ДЛЯ». На столе сушился круглый знак с нарисованным солнцем. Молодой человек в защитных очках держал фен над краем плёнки и не поднял головы, когда Роман поздоровался.

Даша принесла два деревянных бруска, положила их на пол и помогла опустить букву.

— Там нельзя было оставлять, — сказала она. — Наступят.

— А я думал, ты рада меня видеть.

— Я рада. Поэтому тебе дали самую чистую.

Он достал платок, показал на её щёку. Даша потёрла лицо ладонью и только размазала краску.

— Не надо. Она засохла.

— Ты ела?

— Да.

Из-за стола молодой человек сказал:

— Вчера.

— Егор, работай.

Роман хотел предложить купить им еды, но заметил на подоконнике три контейнера, один открытый. В нём лежала гречка с котлетой. Даша проследила его взгляд.

— Остынет — разогрею. Чайник под стулом.

Он вытащил пакет. Чайник был маленький, эмалированный, с носиком, который после падения смотрел немного в сторону. Крышка болталась отдельно.

— Электрический купила бы.

— Мне этот нравился.

— Эти медленные.

— Я не настолько быстро живу.

Егор за столом кашлянул, пряча смешок. Даша улыбнулась и взяла второй фен с полки.

Роман остался возле двери с пакетом и внезапно почувствовал, что прибыл сюда в неудачное время. Не потому, что мешал. Она впустила его в работу, которую он всякий раз пытался превратить в разговор о её жизни. Теперь и разговор оказался не нужен: буква лежала на брусках, чайник был у него, а контейнер с едой стоял в пределах вытянутой руки.

— У меня заказ появился, — сказал он.

— Нормальный?

— Проверю.

— Тогда не говори заранее, что нормальный.

Он не говорил, но возражать не стал.

На обратном пути пришло уведомление о переводе сорока тысяч. Роман остановился у края двора, прочитал имя отправителя и назначение платежа. Всё соответствовало соглашению. Он положил телефон на соседнее сиденье, рядом с пакетом.

Из носика чайника на бумажную папку выпала маленькая белая крошка эмали. Роман стряхнул её, достал из папки лист с телефонами и набрал Игоря Дёмина.

Человек ответил после первого гудка.

— Слушаю.

Голос оказался глубоким, поставленным, совсем не таким, какого Роман ожидал от мужчины с больничным браслетом.

— Роман Лаптев. Мне дали ваш номер по поводу покупки в «Полке».

— Да, мне сказали. Завтра могу.

— Для начала расскажите, что вы заказывали.

На другом конце стало тихо.

— А вам не передали?

— Передали. Я хочу услышать от вас.

— Мне бы документы сейчас взять.

— Не нужна точная модель. Что это было?

Мужчина вдохнул носом. Послышался шорох.

— Вы знаете, я сейчас не один. Завтра у магазина поговорим. Там и покажу всё.

— Вы дома?

— На работе.

Кто-то позвал его вдали. Роман не разобрал имени, только последнюю гласную и раздражение, с каким её протянули.

— Значит, завтра, — сказал мужчина. — В одиннадцать. Агата адрес пришлёт.

Он закончил разговор раньше, чем Роман успел спросить, почему человек, оплативший заказ, не может назвать купленную вещь.

Роман убрал телефон. Через лобовое стекло было видно, как Егор вышел из мастерской с открытым контейнером, сел на ступеньку и принялся есть. Потом вышла Даша и отняла у него котлету.

Он посмотрел на них ещё немного, завёл машину и поехал домой читать то, за что ему уже заплатили.

Глава 2. Покупатель

Дёмин ждал его у закрытой боковой двери. Коробки не было. На нём была та же куртка, что на фотографии, но без больничного браслета он выглядел здоровее и несколько моложе. Он держал бумажный стаканчик, а вторую руку прятал в кармане. Возле ноги стояла сумка из плотной синей ткани.

— Игорь? — спросил Роман.

Мужчина обернулся не сразу.

— Да. Вы Лаптев?

Они пожали друг другу руки. Ладонь Дёмина оказалась тёплой, сухой; на указательном пальце была свежая ссадина.

— Здесь главный вход? — спросил Роман.

— С той стороны. Мне сказали тут подождать.

— Кто сказал?

— Девушка. Сейчас придёт.

Роман посмотрел на время. Без трёх одиннадцать. Над боковой дверью висел выцветший навес, под ним — табличка с часами приёма товара. Два имени и номер телефона написали шариковой ручкой на полосе малярной ленты. Рядом стояли сложенные садовые стулья, стянутые металлической цепью. Они мешали открыть дверь до конца.

— Давайте пока поговорим, — предложил Роман.

Дёмин сделал последний глоток, оглянулся в поисках урны. Не нашёл и поставил стакан на край подоконника.

— Я могу записать? Для точности. Публикацию ещё не обсуждаем.

— Да, конечно.

Роман включил диктофон на телефоне и назвал дату: двадцатое мая. Дёмин стоял прямо, не глядя на экран. Подождал, пока Роман закончит, и начал:

— Четырнадцатого апреля я внёс полную предоплату за комплект садовой мебели. Стол, шесть стульев. Обещали в течение трёх недель. Срок прошёл, деньги не возвращают. В магазине отвечают: ожидайте поставки. Но в какой-то момент человеку уже надоедает ждать.

Последнее предложение он произнёс чуть громче. На слове «человеку» кивнул, словно соглашаясь с кем-то стоящим рядом.

— Кто принимал заказ?

— Менеджер.

— Имя помните?

— На бумаге есть.

— А внешне?

Дёмин вынул из сумки прозрачный файл.

— Молодой. Сейчас точно не скажу. Я не предполагал, что потребуется описывать.

Роман взял документ. Это была расписка на обычном листе, заполненная от руки поверх напечатанных строк. Вверху стояло название «Полка», без кавычек. Ниже — фамилия покупателя, сумма и заказ: «комплект садовый, 7 предметов». Номер модели не указали. Реквизиты юридического лица находились внизу; их напечатали мельче остального текста, но прочитать было можно.

— Это тот лист, который на фотографии?

— Он.

На фотографии сгиб проходил через дату. Здесь бумага оказалась гладкой, только край чуть замялся в файле.

— Разглаживали?

— Жена положила под книги. Чтобы прилично было.

Роман поднял лист к свету. На месте прежнего сгиба виднелась тонкая белая полоска. Объяснение, во всяком случае, было возможным.

— Сто сорок восемь тысяч наличными?

— Да.

— Чек выдали?

— Этот выдали.

— Кассовый.

— Сказали, вместе с доставкой будет.

Дёмин убрал руки за спину. Теперь он напоминал человека, которого заставили пересказать давний проступок перед коллективом. Роман видел, как легко отсюда получался готовый абзац: доверчивый покупатель, наличные, обещанный потом чек. Он придержал этот абзац и спросил:

— Почему вы выбрали именно этот комплект?

— Понравился.

— Где видели?

— Жена показала.

— Здесь, в магазине?

— Сначала в телефоне. Потом мы приехали.

— Как он выглядит?

Дёмин посмотрел на стулья возле двери.

— Ну, садовая мебель. Тёмная. Металл, дерево. Для дачи.

Роман тоже посмотрел на стулья. Они были дешёвые, складные, с зелёной пластиковой спинкой.

— Жена сейчас может прислать картинку?

— Она на работе.

— Можно сообщением. Не обязательно сразу ответит.

— Вы мне не верите?

— Я хочу знать, что вы купили.

— Я только что сказал.

— Название в расписке позволяет привезти вам любой стол с шестью стульями. У вас была переписка про конкретную модель?

Дёмин забрал расписку, поправил её в файле. Он делал это медленно, проводя пальцами по краям.

— У жены, — сказал он. — Я попрошу.

Во двор въехала маленькая белая машина. Девушка за рулём махнула им, припарковалась возле мусорных баков и достала с заднего сиденья чёрный кофр. На ремне у неё болтался ещё один мешок, узкий и длинный.

— Соня, — представилась она, подходя. — Извините, шлагбаум на соседнем въезде закрыт. Пришлось объехать.

Роман не взял протянутую руку сразу: он держал телефон и блокнот. Переложил всё в одну ладонь.

— Мне про съёмку не говорили.

Соня посмотрела на Дёмина.

— У нас заявка на одиннадцать.

— У меня встреча. Кто дал заявку?

— Агата. Сказала, вы будете разговаривать, я сниму общие планы и самого покупателя. Если ему удобно.

— Мне удобно, — сказал Дёмин.

— А мне пока нет, — ответил Роман. — Я не знаю, что здесь произошло.

Соня опустила кофр на землю.

— Я тоже. Поэтому камера сейчас закрыта. Вы хотите, чтобы я уехала, или подожду?

Он почувствовал, как раздражение теряет адрес. Девушка приехала на работу, которую ей назначили. Она не обещала верить Дёмину и не требовала этого от него.

— Подождите, пожалуйста. Только меня не надо снимать.

— Хорошо.

Она отнесла кофр к машине. Из длинного чехла торчала ручка штатива. Дёмин проводил её глазами, потом спросил:

— Может, нам сразу к хозяину? Что мы здесь друг друга проверяем?

— Он вас ждёт?

— Он должен знать, что мы придём.

— Откуда?

— Ему звонили.

— Вы?

— Из агентства.

Роман выключил запись. Вчера ему хотелось получить хотя бы один прямой ответ. Сегодня ответы были прямыми, но каждый приводил обратно к Агате.

Он обошёл здание. Главный вход выходил на широкую улицу; за стеклом стояли гладильные доски, лестницы, коробки с кофеварками и два белых пластиковых кресла. На витрине сохранились выгоревшие следы от зимних снежинок. Над дверью, под вывеской «Полка», висело полотнище: «Встреча с покупателями — 22 мая». Левый край закрепили белым пластиковым зажимом, правый натянули шнуром. Ветер надувал середину, и тогда слово «покупателями» пропадало в складке.

Роман вошёл один. В магазине было прохладно, пахло резиной и влажной тряпкой. Женщина за кассой вытирала верх электрического самовара. Другой сотрудник, молодой мужчина в красном жилете, распаковывал коробку с вентиляторами.

— Добрый день. Кто здесь занимается заказной мебелью?

Женщина отложила тряпку.

— Что-то конкретное ищете?

Роман назвался, объяснил, что проверяет обращение покупателя, и спросил, можно ли показать расписку. Дёмин вошёл следом, задержавшись у двери. Он не подходил к кассе, пока Роман не позвал его.

Женщина посмотрела на лист.

— Это не наше.

— Что именно?

— Мы так не оформляем.

— Название ваше.

— Название наше. А бумага не наша.

Она позвала Нику.

Из служебной двери вышла молодая женщина с открытой бутылкой воды. Светлые волосы стянули в короткий хвост; на футболке над карманом было маленькое пятно, будто она прислонилась к свежей краске. Она выслушала кассира, поставила воду рядом с самоваром и взяла расписку за угол.

— Кто у вас её принял? — спросила она Дёмина.

— Молодой человек.

— Этот?

Она кивнула на работника с вентиляторами. Тот поднял голову.

— Нет, — ответил Дёмин. — Другой.

— У нас два продавца-мужчины. Второй сейчас на складе. Позвать?

— Можно.

— Дата четырнадцатое апреля?

— Да.

Ника достала телефон, полистала что-то и позвонила. Разговор был коротким:

— Андрей, зайди, пожалуйста. Тебя человек хочет посмотреть.

Дёмин повернулся к Роману.

— Я что, теперь всех должен помнить?

— Пока вас только спросили.

— Именно. Меня. А не где мои деньги.

Ника положила расписку на стойку.

— Здесь организация, которая к этой точке не относится. Магазин у нас один из нескольких. Заказы бывают через другой офис, но деньги мы тогда здесь не принимаем. Давайте сначала выясним, кому вы их отдали.

— Хозяин везде один.

— Это не ответ на вопрос.

— А где ответ на мой?

Он повысил голос. Кассир отодвинула самовар, как будто боялась, что в него попадут слова.

Роман попросил Нику назвать её должность. Она посмотрела на него.

— Устинова Вероника Григорьевна. Занимаюсь работой этих магазинов. И да, я его дочь. Можете не выяснять через соседей.

— Я хотел записать, кто мне отвечает.

— Запишите полностью.

Она выписала на чистом листе телефон, адрес электронной почты и реквизиты организации, работающей в этой точке. Подписала дату, протянула Роману.

Из задней двери появился широкоплечий мужчина в рабочем фартуке. Он нёс маленький вентилятор без передней решётки.

— Я его включил, он задевает, — сказал он продавцу. Потом заметил людей у кассы. — Что случилось?

Дёмин посмотрел на него.

— Не этот.

Ника поджала губы.

— Кроме этих двоих, деньги здесь принимают я, Людмила и две сменщицы. Женщины. Если у вас мужчина сидел не за кассой, надо показать место.

Дёмин оглядел зал. Медленно, будто выбирал не место, а ответ.

— Я могу ошибиться магазином, — сказал он. — Мы в нескольких были.

Ника взяла бутылку воды. Пила долго; Роман видел, что ей хочется ответить быстрее, чем она позволяет себе.

— Тогда давайте так. Вы пришлёте, что именно заказывали, где видели товар и кто с вами переписывался. Я проверю. Пока этой бумаги в нашей системе нет. Говорить, что она поддельная, я не буду: может, вам кто-то от руки писал. Но подтверждать чужую подпись тоже не стану.

— А отец ваш где?

— Сегодня здесь не будет.

— Конечно.

Она поставила бутылку.

— Что «конечно»?

Роман поднял ладонь, остановив обоих, и попросил у Дёмина разрешения отправить Нике снимок расписки. Тот согласился. Пока Роман фотографировал, Ника вдруг спросила:

— А почему вы пришли сегодня? Встреча в четверг. Там же написано.

— Меня не вывеска привела, — ответил Роман.

— Хорошо бы, чтобы кого-нибудь не она.

Он посмотрел на неё, но она уже забрала со стойки вентилятор и попросила Андрея убрать его из прохода.

На улице Соня стояла у входа с камерой в руках. Объектив был направлен в сторону витрины, от двери. Увидев Романа, она опустила камеру.

— Общий план сняла. Вас нет. Игорь, вы готовы?

Дёмин кивнул. Его раздражение заметно ослабло. Он расправил плечи, застегнул куртку и спросил, куда встать.

Роман прислонился к холодной стене. Дёмин начал тот же рассказ, что произнёс во дворе, почти в тех же словах. Только теперь стол с шестью стульями стал «мебелью для семейного праздника», а три недели — «обещанным сроком». На третьем предложении он запнулся.

— Давайте ещё раз, — сказала Соня.

Он повторил. Ветер приподнял полотнище, потом отпустил. Белый зажим слева качался над головой Дёмина.

— Роман, вы хотите что-нибудь спросить в кадре? — обратилась к нему Соня.

— Нет. Я пока ничего не понимаю.

— Так можно с этого и начать, — сказал Дёмин.

И вдруг улыбнулся той самой улыбкой с четвёртой фотографии — короткой, открытой, совсем не похожей на лицо обманутого человека, которое только что держал перед камерой.

Роман не улыбнулся в ответ.

— Вы ещё вечером будете? — спросила Соня у Дёмина.

Тот быстро посмотрел на неё.

— Если нужно.

— Мне сказали, у вас общий проход с владельцем. В шесть. Я могу вернуться, если здесь закончим.

— Какой проход? — спросил Роман.

Соня нахмурилась.

— Выход к покупателям. Для материала о встрече. Мне так написали.

— Встреча в четверг.

Она посмотрела на полотнище, потом в телефон.

— У меня сегодняшнее число. Может, подготовка. Я уточню.

Дёмин сказал, что ему пора, и протянул руку Роману. Тот пожал её, попросил прислать переписку жены и получил твёрдое обещание сделать это к вечеру.

Когда мужчина ушёл, Соня некоторое время стояла с телефоном у уха. Агата не отвечала. Девушка убрала камеру в кофр и, не глядя на Романа, произнесла:

— Мне не нравится, когда все делают вид, что друг друга видят впервые.

— Вы о ком?

— Не знаю. Поэтому и не нравится.

Она уехала, а Роман остался у магазина. Ника вышла снять с наружного крючка пустую корзину для зонтов. Он помог придержать дверь.

— Они вечером ещё снимать будут, — сказал он.

— Знаю.

— Вы только что сказали, ваш отец сегодня не будет.

Ника зажала корзину под мышкой.

— Мне он сказал, что не будет. Потом прислал, что будет. У нас это теперь считается рабочим расписанием.

— Я хотел бы с ним поговорить.

Она посмотрела на папку у него в руке.

— Вы сами хотите или вам поручили?

— Поручили проверить. Хочу поговорить.

— Тогда звоните. Номер сейчас напишу.

Она поставила корзину на пол, взяла его блокнот и вывела цифры. Почерк был крупный, почти школьный.

— Только не говорите, что я вас прислала. Он решит, что я опять чего-то от него добиваюсь.

— А вы добиваетесь?

— Да. Чтобы он перестал нас продавать людям, которые спрашивают только про склады.

Она вернула блокнот и ушла в магазин. Роман позвонил по записанному номеру. Ответил мужской голос, негромкий, немного хриплый.

— Устинов.

Роман представился и объяснил, по какому поводу звонит.

— Знаю, — сказал Устинов. — Вы с Агатой уже договорились?

— Частично.

— Хорошо. Завтра в девять приезжайте. Адрес отправлю.

— Сегодня нельзя?

— Сегодня я для камеры. Завтра для вас.

Роман успел спросить, что это значит, но Устинов только повторил:

— В девять. И папку привезите, которую вам дали.

Глава 3. Свои люди

Из семи человек, чьи телефоны дала Агата, один попросил не звонить до окончания смены, двое не ответили. Женщина по имени Зинаида сказала, что не желает никакой огласки, и положила трубку. Следующий номер принадлежал мужчине, который долго не понимал, о каком заказе идёт речь. Потом вспомнил, что жена купила садовые качели, и предложил поговорить с ней.

Жена оказалась той самой Зинаидой.

Роман сидел в небольшом кафе у окна. На столе остывал суп. Он позвонил ей ещё раз, объяснил, как получил второй номер, и услышал:

— Качели нам привезли. Две недели назад.

— В обращении написано, что не привезли.

— Так оно было до того, как привезли.

— Вы кому жаловались?

— Везде жаловалась. А теперь хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Могу я записать, что заказ исполнен?

— Записывайте. Сидим, качаемся.

Он пожелал ей хорошего дня и вычеркнул две строки. Из семи контактов оставалось пять людей, если остальные тоже не окажутся супругами, соседями или прежними хозяевами телефонных номеров.

В кафе вошёл Михаил Таланов. Он придержал дверь для женщины с коляской, помог поднять передние колёса через порог и что-то сказал ребёнку. Ребёнок ответил серьёзным, протяжным звуком. Михаил кивнул, как будто получил подробное объяснение, и направился к Роману.

— Ты опять суп ешь так, чтобы он успел тебя пережить.

Роман поднялся. Они обнялись неловко: между ними оказался стул, а у Михаила под мышкой был свёрнутый плакат. Плакат упал, развернулся на полу белой стороной вверх.

— Не наступи, — сказал Михаил.

Они одновременно наклонились, стукнулись плечами и рассмеялись. Роман поднял лист. На обороте увидел фотографию пожилой женщины и крупную надпись: «ВСТРЕЧА С АВТОРОМ». Ниже указали библиотеку и пятницу.

— Твоя работа?

— Знакомая попросила. Человек книгу написал, издатель ему прислал пять экземпляров. Теперь всем должен я.

Михаил свернул плакат плотнее, подвинул к стене пустой стул и сел. Он заметно поседел с их последней долгой встречи, но не постарел привычным образом: лицо оставалось подвижным, глаза быстро перебегали от предмета к предмету. На рубашке у ворота расстегнулась пуговица; узкую полоску белой майки он то закрывал воротом, то забывал о ней.

— Ты сказал по телефону, что работаешь с Селиной, — напомнил Роман.

— Иногда. Когда надо людей собрать, договориться, чужую глупость развести по времени. Ты у неё вчера был?

— Ты меня рекомендовал?

— Я назвал тебя одним из двух. Второй отказался раньше, чем услышал, сколько платят. Стареет человек, теряет любознательность.

— А ты любознательность сохранил?

— У меня сын ещё не закончил учиться. Очень помогает.

Михаил подозвал официантку, заказал чай и тот же суп, что ел Роман. Она предупредила, что придётся подождать.

— Мне тоже надо, чтобы он настоялся, — ответил Михаил.

Когда-то он был заместителем редактора газеты, где Роман начинал. Умел за десять минут достать машину для поездки, уговорить сердитого фотографа и найти человека, который согласится говорить не по официальному телефону. При этом половина полосы могла исчезнуть после короткого разговора Михаила с главным редактором. Молодой Роман считал такое вмешательство предательством; потом несколько раз узнавал, что исчезнувшая половина состояла из чужих догадок, которые он слишком охотно принял за сведения. В другие разы причина оказывалась проще: газете были нужны деньги. Михаил не притворялся, что это одно и то же, но обсуждать разницу не любил.

— Что у тебя с обращениями? — спросил он.

Роман рассказал про качели, не называя телефонов, и про две строки, оказавшиеся одним заказом. Михаил кивнул.

— Бывает.

— Один клиент уже качается на даче. Если считать строками — почти треть вашей тревоги.

— Ты их не считай строками.

— А чем мне считать, если мне дали строки?

— Людьми, Рома. Тебя для этого и позвали.

Михаил сказал это без укора, но Роман почувствовал знакомое желание доказать ему, что уже вырос из того корреспондента, которому надо объяснять очевидное. Он убрал блокнот.

— Ты видел оригиналы?

— Какие?

— Обращений против Устинова.

— Некоторые. Там разное есть. У одной женщины действительно зависла доставка. Одному вернули деньги, он требует ещё за то, что пришлось ждать. Устинов умеет сделать врага из человека, которому почти ничего не должен.

— А Дёмин?

Михаил отпил принесённого чая, обжёгся и отодвинул чашку.

— С этим я лично не разговаривал.

— Он сегодня не узнал магазин.

— Это настораживает.

— И не мог назвать модель мебели.

— Меня спроси, какая у нас стиральная машина. Скажу: белая, тяжёлая, орёт.

— Ты за неё сто сорок восемь тысяч не отдавал.

— И слава богу. Но бумагу всё равно надо проверить. Ощущения оставь для первого абзаца.

Официантка принесла ему суп. Михаил поблагодарил, подвинул хлеб к Роману и начал есть. Некоторое время они молчали.

За стеклом двое мужчин пытались развернуть лестницу на узком тротуаре. Один держал её вертикально, другой жестами объяснял, куда поворачивать. Прохожие обходили их через край проезжей части. Роман смотрел на лестницу и думал, что за последние сутки вокруг него слишком часто что-то монтируют: полки, буквы, чужие истории. Он поймал себя на этой мысли и отложил её. Получалась удобная связка, которая объясняла всё раньше, чем он узнал хоть что-нибудь.

— Зачем Агате моя фамилия? — спросил он.

— Потому что тебе ещё кое-кто верит.

— Это дорого стоит?

— Обычно выясняется, когда перестают.

Михаил поднял глаза.

— Ты хочешь, чтобы я сказал: не связывайся? Я не скажу. Работать тебе надо. Селина неприятная, когда ей мешают, но не дура. Если ты принесёшь ей проверенную правду, она найдёт, как её использовать.

— А если правда ей не подойдёт?

— Тогда вы расстанетесь. У тебя что в договоре?

Роман пересказал условия. Михаил кивнул.

— Нормально. Только не считай подпись бронёй. Написал — пошёл и посмотрел, что с написанным сделали.

Роман хотел спросить, почему тот говорит именно так, но зазвонил Михаилов телефон. На экране высветилось имя «Антон». Михаил отвернулся к стене.

— Да, сын. Нет, сегодня не смогу. Я же сказал, пятница. Что именно не проходит?

Он выслушал, взял у Романа ручку и написал на бумажной салфетке два числа. Зачеркнул одно, спросил ещё раз. Потом сказал:

— Подожди, мне надо самому понять. Я тебе перезвоню, не отправляй пока ничего.

Он закончил разговор и с минуту смотрел на салфетку.

— Всё нормально? — спросил Роман.

— Деньги за комнату. Сосед съезжает, хозяин решил, что мой один будет платить за двоих. Он согласился, потому что неудобно спорить.

— Сколько ему?

— Двадцать один. В этом возрасте человеку очень удобно соглашаться на мои деньги.

Михаил сложил салфетку и убрал в карман. Роман рассмеялся, потом вспомнил, сколько раз давал Даше советы, не спросив, чем за них придётся расплачиваться ей.

— Он учится или работает?

— И то и другое понемногу. Говорит, хочет сам. Я ему верю. Но хозяин комнаты почему-то хочет сразу.

Суп остывал. Михаил доел, собрал плакат и положил на стол деньги за свой обед. Роман хотел расплатиться сам: он пригласил. Михаил покачал головой.

— В следующий раз. А то я тебе начну рассказывать, что ты должен написать.

У двери они остановились. Михаил сказал, что Устинов любит назначать встречи рано, а потом держать людей в приёмной.

— Не сиди там час. Напиши, что уезжаешь, и вставай. Он появится.

— Откуда ты знаешь, что он мне назначил?

— Ты сам сказал, завтра к нему собираешься.

Роман вспомнил: действительно сказал по телефону, когда они договаривались встретиться. Уже на улице ему стало неловко за этот вопрос. Он не хотел превращать знакомого человека в подозреваемого только потому, что начал подозревать всех, кто умел заканчивать его мысли.

После обеда он поехал по адресу, написанному в расписке Дёмина. Там находился второй магазин «Полки», меньше первого. Роман предъявил сотруднице фотографию документа и реквизиты, которые дала Ника. Та позвала управляющую. Они долго рассматривали лист на его экране, сверяли цифры и спорили между собой, когда компания перестала пользоваться старым бланком.

— У нас такой был, — наконец сказала управляющая. — До переезда офиса. Но это ещё ничего не значит. Люди старые файлы печатают годами.

— Подпись узнаёте?

Она покачала головой.

— Штамп тоже похож, но я по фотографии ничего вам не скажу. Пусть человек придёт с бумажкой.

— Он был сегодня в другом магазине.

— А надо в этом. Раз здесь оформлял.

— Он уже не уверен, где оформлял.

Управляющая посмотрела на него поверх очков.

— Тогда тем более пусть придёт.

Она не выгнала Романа, не испугалась камеры телефона и не стала звонить хозяину при нём. Показала образец нынешнего заказа, закрыв рукой фамилию клиента. В нём были те поля, которых не хватало у Дёмина: модель, комплектация, место доставки. Но старый бланк существовал. Роман записал это отдельно от своих подозрений.

В машине он отправил Агате короткое сообщение: два контакта относятся к одному исполненному заказу; по расписке Дёмина есть вопросы; для продолжения нужны полные обращения, а не только выбранные изображения. В конце напомнил, что никакого материала к четвергу не обещал.

Агата позвонила через несколько минут.

— Вы разговаривали с Михаилом?

— Да.

— Он сказал, у вас возникают сложности.

— У меня возникает проверка.

— Хорошо. Только я бы просила вопросы к нашим материалам сначала присылать мне.

— Он ваш сотрудник?

— Он нам помогает.

— Мне тоже.

Она помолчала.

— Полные обращения сегодня отправлю. Дёмину напомнила про переписку. Завтра после встречи с Устиновым наберите меня.

— Почему не до?

— Потому что до неё вы опять спросите, кто заказчик.

Роман посмотрел на погасший экран, прежде чем понял, что она закончила разговор.

К вечеру он получил четыре документа и одно голосовое сообщение. Документы были разными: настоящее письмо с просьбой вернуть аванс, перечень недостачи, жалоба на задержку сборки и таблица, где семь фамилий стояли напротив сумм. Голосовое прислала Зинаида. Она сердито уточнила, что качели привезли не две недели назад, а одиннадцатого мая. Муж её поправил, и теперь она не хотела, чтобы из-за приблизительной даты ей приписали ещё какую-нибудь жалобу.

Роман поблагодарил и спросил, можно ли сохранить сообщение. Зинаида разрешила, попросив больше не звонить.

Сумма исполненного заказа составляла двести шестьдесят тысяч. В таблице она стояла дважды, у неё и у мужа, как два самостоятельных требования. Роман вычел лишнее. Потом убрал саму выполненную поставку. От двух миллионов ста восьмидесяти тысяч оставалось полтора миллиона шестьсот шестьдесят. Это число ещё ничего не доказывало, кроме того, что кто-то прибавлял охотнее, чем проверял.

Он написал Агате второй раз. Она ответила: «Приняла. Таблица рабочая».

Слово «рабочая» пришлось по вкусу: им можно было объяснить любую ошибку, пока ошибка не начинала работать на тебя.

Дёмин обещанной переписки не прислал. Вместо неё в половине восьмого пришло сообщение: «Жена нервничает, поговорю с ней. Завтра».

Роман поставил телефон на зарядку, отнёс тарелку в раковину и достал Дашин чайник. Хотел проверить, держится ли ручка, но, повернув его к свету, увидел внутри у самого носика мелкую паутину трещин. Провёл пальцем рядом, не касаясь острых краёв. Чайник выглядел вполне пригодным, пока не заглянешь туда, где будет кипяток.

Он сфотографировал повреждение и написал дочери: «Чинить для воды не буду. Можно оставить для цветов».

Она ответила почти сразу: «Тогда верни. Решу».

Роман поставил чайник на стол. Ему хотелось предложить купить новый, но он оставил телефон в покое и раскрыл папку. Среди присланных документов лежал лист, на котором фамилию Дёмина дописали другим шрифтом. Сама по себе разница шрифтов ничего не значила. Роман увеличил изображение и прочитал название товара, указанное в нижней строке.

Стол и шесть стульев там не упоминались.

Сто сорок восемь тысяч просили вернуть за шесть кухонных вытяжек.

Глава 4. Хозяин

Устинов принял его без ожидания.

Это почему-то разочаровало Романа: он уже приготовился воспользоваться советом Таланова, встать и уйти. Вместо приёмной оказался длинный стол в комнате над бывшим торговым залом. На столе стояли два подноса с чашками, несколько коробок с латунными ручками и старая настольная лампа, которую включили, хотя светило солнце. У лампы не держался наклон; её головку подпёрли деревянной линейкой.

Хозяин поднялся ему навстречу. Высокий, сутуловатый, в рубашке с короткими рукавами, он не походил на человека, который готовится к продаже большого дела. Скорее на заведующего складом, отвлёкшегося от недостачи.

— Садитесь. Кофе будете?

— Нет, спасибо.

— И правильно. Здесь плохой. Внизу делают, пока донесут — уже не хочется.

Он сел, придвинул к себе папку, которую Роман положил на стол, но не открыл.

— Что успели?

— Поговорить с вашим покупателем. Вернее, с человеком, который назвал себя покупателем.

— Игорь?

— Дёмин. Вы знакомы?

— Видел вчера.

— На съёмке?

— Да.

Устинов ответил так просто, что Роман на секунду потерял следующий вопрос.

— Он утверждает, что вы не вернули ему деньги.

— Мне передавали.

— И вы вместе снимаетесь для материала об этом?

— А что, я должен бегать от камеры? Пусть люди видят, что я выхожу и разговариваю.

Роман достал телефон, спросил разрешения записать беседу. Устинов согласился, но попросил отодвинуть аппарат от коробки с ручками: боялся задеть.

Роман назвал дату, время и обоих участников. Устинов слушал, положив ладони на стол.

— Человеку дали расписку на сто сорок восемь тысяч, — начал Роман. — Он говорит про садовую мебель. В другом документе та же сумма стоит за вытяжки. Вы можете объяснить?

— Кто вам дал второй документ?

— Агата.

Устинов потёр большим пальцем край стола.

— Можно посмотреть?

Роман показал экран. Устинов не взял телефон, только наклонился ближе. Прочитал, задержал взгляд на нижней строке.

— Это старое.

— Дата нынешняя.

— Значит, дату поставили новую.

— Кто поставил?

— Вы у неё спрашивали?

— Спрошу. Сначала у вас.

В коридоре заговорили два человека. Один спросил, где взять ключ от нижней комнаты, другой ответил, что у Веры. Устинов повернул голову к двери, подождал, пока шаги стихнут.

— У нас бывали задержки, — сказал он. — Некоторые были неприлично долгие. Вы можете найти людей, которые на меня злятся. Для этого не обязательно заказывать садовую мебель по старой бумаге.

— Я не заказывал.

— Я знаю.

— Вы говорите так, будто это вы заказали.

Устинов посмотрел на него. Некоторое время молчал, потом достал из своей папки лист и повернул к нему.

В правом верхнем углу было название «Реверс». Ниже — согласованный перечень работ: сбор обращений, подготовка материала, организация съёмки, размещение. Фамилия Устинова стояла в строке заказчика. Подпись и дата были настоящими по крайней мере в том простом смысле, что человек перед Романом их не отрицал.

— Это вы платите? — спросил Роман.

— Я.

— За материал против себя?

— За работу с обстоятельствами, которые существуют.

Роман отодвинул лист.

— Так не пойдёт. Давайте обычными словами.

Устинов вздохнул, вытащил из коробки мебельную ручку и покрутил её в пальцах. На плоской задней стороне торчали два винта.

— Вы хотите услышать «за плохую статью»? Хорошо. За плохую статью. Я заказал плохую статью про себя.

— Почему?

— Потому что хорошая мне сейчас не нужна.

— На этом месте я обычно заканчиваю разговор.

— Тогда заканчивайте.

Роман начал собирать бумаги. Устинов смотрел, не останавливая. Когда папка уже лежала у него под рукой, хозяин произнёс:

— Только вы деньги не за статью взяли. За проверку. Или я неправильно понял?

Роман остался сидеть.

— Правильно. Поэтому в отчёте будет написано, кто мне подложил документы.

— Напишите.

— И что человек, против которого их собрали, сам оплатил работу.

— Это вы уже выяснили. Я вам помог.

— Сфотографировать можно?

— Можно. Только реквизиты личные закройте, если публиковать надумаете.

Роман снял весь лист для своей записи, потом ещё один кадр, прикрыв нижние строки чистой бумагой. Устинов дождался, пока он закончит.

— Я продаю часть дела, — сказал он. — Несколько точек, склад, остатки. Мезенцев хочет забрать всё сразу. Влез во все разговоры, начал обещать людям должности. Моей дочери уже объяснил, что ей удобнее будет заниматься поставщиками, а решения принимать станет другой человек. Мне говорит: «У неё небольшой опыт». Она в этом деле с девятнадцати лет. У него опыта ровно столько, сколько людей ему не сумели отказать.

— Вы можете не продавать.

— Могу. Потеряю то, что уже вложено в подготовку. И он уйдёт не один: начнёт тянуть за собой договорённости, которые заключал под нашу будущую сделку.

— И вы решили испортить себе имя, чтобы ему стало страшно?

— Чтобы он захотел выйти сам.

Роман посмотрел на лист заказа.

— Вы понимаете, что это звучит хуже прямого отказа?

— Прямой отказ я уже пробовал.

— Есть адвокаты. Есть переговоры. Вы давно в бизнесе. Публично объявить себя мошенником — странный способ сохранить компанию для дочери.

Устинов положил ручку обратно в коробку. Винты звякнули о другие ручки.

— Я не собираюсь объявлять себя мошенником. Я собираюсь позволить людям задать неприятные вопросы.

— Через изготовленные жалобы?

— Вы их проверите.

— Вы всё время предлагаете мне исправить ваш заказ, не называя, для чего его сделали.

— А вам обязательно знать всё, чтобы проверить одну бумагу?

Роман хотел ответить, но в дверь постучали. Вошла женщина с короткими волосами, в тёмно-зелёном жакете. Она держала связку ключей и пластиковую коробку для очков.

— Подпиши выдачу, — сказала она Устинову. — Машина уже пришла.

Он взял принесённый лист.

— Какие стойки?

— Которые ты вчера сам велел вернуть.

— Там же просили на четверг.

— Сегодня среда. Их ещё собрать надо.

Устинов расписался. Женщина положила ключи возле лампы, но он сразу придвинул их обратно к ней.

— Нижнюю пока не закрывай. Я позже спущусь.

— Закрою, когда люди уйдут. Ты мне позвонишь — откроют.

— Вера, я здесь хозяин.

— Я здесь тоже. Комплект один. Оставлю тебе — люди будут ждать под дверью.

Она сказала это негромко, глядя ему в лицо. Потом повернулась к Роману:

— Вы из «Реверса»?

— Нет. Роман Лаптев.

— Журналист?

— Да.

— Тогда спросите у него, сколько стоит весь этот цирк. Мне не говорит.

Вера ушла, забрав ключи. Устинов проводил её взглядом и подвинул лампу, чтобы на столе осталось свободное место.

— Бывшая жена? — спросил Роман.

— Нынешняя. Живём отдельно, документы общие. Как видите, удобно.

В голосе впервые прозвучала усталость, которую нельзя было принять за приём переговоров.

— Она знает про заказ?

— Знает, что я разговариваю с людьми, которые могут помочь.

— А Ника?

— Не надо с ней это обсуждать.

— Я уже разговаривал с ней о жалобе. Она проверяет документы вместо вас.

— Это её работа.

— Вы ей мешаете работать.

Устинов опустил взгляд. Роман приготовился к тому, что сейчас разговор действительно закончится. Но хозяин только сказал:

— Вчера она мне это уже объяснила.

Они помолчали. Внизу двигали что-то тяжёлое. По полу прошла мелкая дрожь, ручки в открытой коробке тихо зазвенели.

— Давайте вернёмся к вытяжкам, — предложил Роман.

Устинов кивнул.

— Вы сказали, бумага старая. Откуда?

— Такие претензии были у другого магазина. Давно. Потом остатки оказались у меня. Я не помню каждый заказ.

— Магазин как назывался?

Он не ответил сразу. Наклонился к своей папке, просмотрел несколько листов. Роман видел там цветную фотографию коробок, стоящих вдоль стены. Один угол был отмечен оранжевой полосой.

— «Рябина», — сказал Устинов. — Только не начинайте с того, что я у них всё отобрал. Вещи покупались по документам.

— Я ещё ничего не начал.

— Но можете. А женщина там осталась уверена, что я ей жизнь испортил. Ей передали деньги. Столько, сколько договорились. Потом снова начались разговоры.

— Кто передал?

— Через человека. Мне с ней было уже не договориться.

— Она подтверждала, что получила?

— Есть бумага.

— Покажете?

— Если понадобится.

— Мне уже понадобится. Вы сами об этом заговорили.

Устинов закрыл папку.

— Роман, я не поручаю вам расследовать всю мою жизнь. Я прошу посмотреть на то, что сейчас лежит у вас на столе.

— Тогда не подкладывайте туда её старые куски.

За открытым окном гудела машина. Кто-то дал задний ход, коротко нажал на сигнал. Устинов встал, подошёл к окну и крикнул вниз, чтобы не загородили ворота. Роман остался за столом. Он не прикасался к закрытой папке, хотя до неё можно было дотянуться.

— Можете её увидеть, — сказал Устинов, не оборачиваясь. — Хозяйку «Рябины». Только сначала спросите, что она уже получила, а потом слушайте, что я ещё должен.

— Имя?

— Найдёте. Вы же для этого нужны.

Он вернулся, сел. Между ними лежал лист нового заказа, рядом — папка Романа.

— Зачем вы хотите, чтобы я её нашёл?

Устинов посмотрел на диктофон.

— Вы ведь сами спросили про старую бумагу.

Роман выключил запись, сохранил файл и показал на телефон:

— Разговор останется у меня. Ничего из него не будет опубликовано как ваше признание без контекста. Но согласиться делать вам нужную репутацию я не могу.

— Даже плохую?

— Тем более.

Устинов усмехнулся, однако руку на прощание подал без насмешки.

Внизу Роман встретил Веру. Она стояла возле раскрытой машины и пересчитывала металлические стойки. Рабочий держал последнюю стойку на весу, ожидая её кивка.

— Семь, — сказала она. — В накладной шесть.

— Семь дали.

— Вижу. Лишнюю оставьте. Я потом сама привезу, если выяснится, что нужна.

Роман подождал, пока стойку отнесут обратно.

— Можно вам позвонить? — спросил он.

Вера посмотрела на него.

— Он уже наговорил?

— Про продажу, да.

— Продать он хочет. Это правда. Кому и на каких условиях — спрашивайте каждый раз заново. Ответы меняются.

— Вы против?

— Я за то, чтобы люди получили то, о чём договорились. Я тоже человек, если вдруг забудете.

Она продиктовала номер. Роман записал и спросил, давно ли они работают здесь.

— В этом здании? Шесть лет. Магазин закрыли зимой, теперь остатки разбираем. Наверху офис пока оставили.

— А внизу что?

— Товар, которому всё никак не найдут хозяина. И вещи, которые никто не решается выбросить. Вы что-то конкретное ищете?

— Пока нет.

Она не предложила посмотреть. Вернулась к накладной, а Роман отошёл к своей машине.

Агата ответила на его звонок сразу.

— Ну?

— Он мне показал заказ.

— Я предполагала, что покажет.

— Вы могли сказать вчера.

— Тогда вы бы не пришли к нему.

— Вы и это за меня решили?

Она помолчала.

— Роман, я не просила вас придумывать обвинения. Я попросила проверить то, что люди говорят. Вы обнаружили обстоятельство. Важное. Продолжайте.

— Сначала получу от вас письменное объяснение, почему в документе про мебель оказались вытяжки.

— Это техническая ошибка в рабочем пакете.

— Напишите именно так. И укажите, кто пакет собирал.

— Хорошо.

Он ждал продолжения, но Агата не стала спорить.

Через десять минут пришло письмо. В нём говорилось, что при подготовке сводных материалов использован шаблон прежнего обращения, сведения о товаре в одной строке не заменены, верная позиция — садовая мебель. За подбор пакета отвечает «Реверс».

Роман сохранил письмо рядом с фотографией заказа, который подписал Устинов. Потом набрал знакомую архивистку и спросил, помнит ли она магазин «Рябина».

Она вспомнила не сразу.

— Это там ещё женщин с деньгами снимали? — спросила она наконец. — Подожди, у меня вырезка должна быть. Я тогда папку собирала про закрытия. Тебе зачем?

— Нужно разобраться, что было на самом деле.

— Сейчас?

— Сейчас.

В трубке слышалось, как она переставляет чашку, ищет ручку, зовёт кого-то по имени. Потом голос вернулся:

— Приходи завтра после двух. Только не обещаю, что сохранилось всё. У нас переезд был.

Роман согласился. Сорок тысяч, полученные за проверку семи жалоб, уже вели его на шесть лет назад. Он пока не знал, входило ли это в чей-нибудь расчёт, но Устинов слишком старательно делал вид, будто ему всё равно.

Глава 5. Подготовка

Днём возле «Полки» сняли полотнище.

Роман приехал поговорить с Никой и увидел, как двое рабочих складывают его прямо на тротуаре. Надпись о встрече с покупателями ложилась внутрь, наружу выходила грязная изнанка. Белый зажим один из мужчин бросил в ведро вместе с обрезками шнура.

— Совсем убираете? — спросил Роман.

— Пока да. Здесь крепить не к чему, карниз гуляет.

Он поднял голову. Над входом открылась узкая полоса светлой стены, а на месте правого кронштейна зияло круглое отверстие.

Из магазина вышла Ника, неся стаканы воды. Дала каждому рабочему по стакану, поставила бутылку на подоконник.

— Сегодня закончат? — спросил Роман.

— Карниз — да. Новое крепление завтра. Вы к отцу уже ездили?

Он кивнул.

— Что он придумал на этот раз?

Роман посмотрел на рабочих. Они отошли к машине, но всё ещё могли слышать.

— Можно внутри?

Ника покачала головой.

— У меня люди с возвратом. Сейчас либо помогаете донести коробку, либо ждёте.

— Помогу.

В магазине женщина пыталась уложить напольный вентилятор обратно в пенопласт. Муж стоял рядом, придерживая основание. Ника попросила Романа поднять одну сторону коробки. Пенопласт вошёл с третьей попытки; оказалось, что стойку надо повернуть.

— У вас он шумит, — говорил мужчина. — Мы вчера всю ночь не спали.

— Вы его на ночь оставляли включённым? — спросила Ника.

— А зачем он нам днём, когда мы на работе?

Она не стала спорить. Проверила комплектность, позвала кассира и объяснила, какие бумаги заполнить. Мужчина заметно успокоился, но женщина ещё несколько раз повторила, что ожидала другого качества. Ника выслушала все три повторения.

Когда покупатели ушли, Роман спросил:

— Часто возвращают?

— Иногда. Люди покупают дешёвую вещь и хотят, чтобы она была дорогой. Бывает наоборот: заплатили много, а получили дешёвую. Со вторыми труднее, потому что они правы.

Она подвинула коробку за стойку.

— Теперь говорите.

Роман показал ей фотографию заказа «Реверсу». Ника прочитала стоя. Потом попросила прислать ей изображение. Он отправил копию с закрытыми личными реквизитами.

— Вот так, — сказала она.

— Вы не знали?

— Я знала, что он нанял людей разобраться со старыми претензиями. Не знала, что они будут делать новые.

Она подошла к кассе, достала из нижнего ящика папку и вынула лист с таблицей. Роман узнал фамилии, но цифры были другими.

— Это мне прислали в пятницу, — сказала Ника. — Просили сверить по точкам. Я сверила. Во вторник они привели сюда мужчину, которого ни в одной точке не смогли найти. Сегодня вы показываете договор. Я правильно понимаю: дальше от меня требуется спокойно работать?

— Что вы ответили по таблице?

— Вот.

В колонке примечаний стояли короткие записи: «исполнено», «возврат 06.05», «ошибка номера», «нужен оригинал». Два требования были настоящими. По одному магазин задержал доставку на девять дней и обещал привезти товар в пятницу; по другому спорили о недостающей части кухонного гарнитура. Ника показала переписку, закрыв от Романа личные данные покупателей.

— Я могу с ними связаться через вас?

— Спросим. Только не называйте им семь пострадавших и два миллиона. Они потом решат, что я и их деньги куда-то дела.

— Уже не называю.

— А кто-нибудь ещё называет?

Он не ответил сразу. Ника положила лист обратно.

— Это не смешно, Роман. Они увидят заголовок и перестанут заказывать. Потом я действительно не смогу выполнить то, что осталось. Папа снимет кино про собственную неудачу, а мы будем стоять здесь перед людьми.

Она позвонила отцу. Роман слышал только её реплики.

— Я видела договор… Да, у него… Нет, он не собирает против тебя семью, он проверяет… Потому что ты сказал, разобраться с обращениями… Тогда скажи мне, сколько ещё людей сегодня изображают моих покупателей.

Она замолчала, слушая. Лицо почти не изменилось, только свободная рука сжала край папки.

— Хорошо. Я не поеду. И машину к складу не пошлю, пока не будет списка.

Она отключилась.

— Извините, — сказала Роману. — Вам этого слышать не надо было.

— Я могу выйти.

— Уже поздно.

Она провела ладонью по лицу, как будто смывала воду.

— Он хочет завтра снова собрать людей у входа. Я сказала, что не буду мешать продавцам работать. Пусть выходит в другом месте. Он считает, это я с Мезенцевым против него договорилась.

— Договорились?

Ника посмотрела на него резко.

— Я спросил потому, что вы сами назвали.

— Договорилась, что он не будет увольнять людей до разбора заказов. На словах. Этого мало, я знаю. Но у меня пока больше ничего нет.

В проходе появилась кассир с телефоном. Ника извинилась, вернулась к работе. Роман вышел на улицу.

Рабочие уже сняли повреждённую часть карниза. Один из них фотографировал стену, держа рядом рулетку. Роман спросил, можно ли снять общий вид для собственных записей. Мужчина пожал плечами:

— Снимайте. Только напишите, что мы это не сломали. Приехали — уже болталось.

— Я пока ничего не пишу.

— Все так говорят.

Роман сделал два снимка. На одном в край попала рука монтажника с рулеткой; на другом — целиком вход, лишившийся полотнища. Он хотел зафиксировать место, где завтра собирались вновь устраивать встречу, и раздражение Ники, но раздражение на фотографии не помещалось. Получилась обычная стена в ремонте.

Соню он нашёл в небольшом помещении за пунктом выдачи. Она арендовала комнату вместе с фотографом, который снимал товары для каталогов. Пока Роман ждал у двери, мужчина переставлял на белом столе одинаковые банки с мёдом. Поворачивал этикетку на несколько миллиметров, отходил, снова подходил.

Соня сидела за монитором, поджав одну ногу. Увидев Романа, опустила наушники на шею.

— Агата сказала, вы не хотите съёмку использовать.

— Я не разрешал использовать моё участие. Съёмка ваша. Но мне нужно понять, что было вчера вечером.

— Пришёл Устинов. Вышел из двери. Послушал вопросы. Ушёл обратно.

— Встреча состоялась?

— То, что мне назвали встречей, состоялось.

— Можно посмотреть?

Соня поколебалась.

— Чужих людей без спроса я вам целиком не отдам. С Устиновым покажу здесь. Он снимался для открытого материала, это не скрытая камера.

Она открыла папку, выбрала файл. На экране появился вход в магазин с тем самым полотнищем. Устинов стоял на верхней ступеньке. Перед ним были Дёмин, невысокая женщина в бежевой куртке и мужчина, которого Роман не знал. Кто-то справа говорил слишком громко, перекрывая остальных.

Дёмин сказал, что документы давно показаны. Женщина шагнула вперёд и протянула Устинову лист. Тот взял его, наклонился к бумаге, затем поднял свободную руку.

«Я не отказываюсь разговаривать. Но разговаривать будем по одному. Если у человека есть документ, я его посмотрю».

Ветер раздул полотнище. На секунду исчезло слово «покупателями», потом ткань расправилась.

— Когда это снимали? — спросил Роман.

Соня посмотрела на него.

— Вчера. Я вам говорила: в шесть.

— Я хочу точное время вашей работы, не время в файле.

— Я приехала без десяти шесть. Устинов был уже там. Начали после шести, минут десять с ним провозились. Потом ещё минут двадцать снимала остальных.

— Почему на полотнище двадцать второе?

— Полотнище повесили заранее, к четвергу. Для пробной съёмки его не убирали.

— А что было вчера?

Соня остановила воспроизведение.

— Роман, я задавала этот вопрос. Мне ответили: подготовка, чтобы люди не боялись камеры и владелец понял, о чём его будут спрашивать. Я не снимала титр «прямой эфир». Не ставила дату в кадр. Я пришла снять человека, который знал, зачем пришла.

— Кто ответил?

— Агата. Потом Михаил. Он сказал: все предупреждены.

— Вы им верите?

— Иногда мне нужно работать, не составляя досье на каждого, кто заказывает пять минут видео.

В соседней комнате фотограф уронил крышку от банки. Она закатилась под стол. Он выругался, встал на колени, долго доставал её линейкой. Соня отвернулась от монитора и посмотрела в дверной проём.

— Я могу ошибаться, — добавила она тише. — Но я не обязана заранее считать каждого преступником. Вы же тоже к ним пришли.

Роман кивнул.

— Да. И сейчас проверяю, зачем.

На экране Устинов стоял с листом в руках. Соня отмотала чуть вперёд. Он возвращал бумагу женщине и говорил:

«В четверг я буду здесь. После шести. Принесите всё, что у вас есть».

— Это оставьте, — сказал Роман.

— Что значит оставьте?

— Не вырезайте, если будете делать материал о вчерашней встрече. Иначе можно решить, что четверг уже наступил.

Она сохранила отметку на временной шкале.

— Я пока ничего не собираю. Отдала подборку заказчику. Исходники у меня остаются.

— Кому именно отдали?

— В общую папку проекта. Доступ у Агаты, Михаила и редактора площадки. Они сами забирают. Если понадобится монтаж, скажут.

— Я могу получить вот этот непрерывный кусок? Где про четверг.

— Спрошу Устинова. Он у меня подписал согласие на использование записи. Про передачу журналисту там отдельно ничего нет. Мне проще спросить, чем потом объяснять, что я думала.

Она отправила сообщение. Ответа сразу не пришло.

Роман записал время, которое она назвала, и попросил сохранить исходники независимо от будущих указаний агентства. Соня не пообещала хранить их вечно, но сказала, что рабочие съёмки не удаляет несколько месяцев.

— На внешнем диске тоже есть, — добавила она. — Если это вас успокоит.

— Успокоит.

— Зря. Диск у меня один, а кот большой.

Она показала на полку. Там действительно лежал кот, свесив хвост на моток проводов. Роман улыбнулся впервые за этот день.

Вечером он написал Агате отчёт. На первой странице крупно поставил: «Проверка исходных обращений. Не для публикации». Отдельно перечислил, что видел, что слышал и что пока не удалось подтвердить. Приложил ответ Ники без персональных данных посторонних покупателей, снимок расписки Дёмина и письмо о неправильной товарной строке.

Самозаказ Устинова занял полстраницы. Роман не стал приписывать ему цель, которую не считал объяснённой. Написал, что версия о желании сорвать продажу высказана самим Устиновым и требует проверки. Упоминание «Рябины» оставил в конце как отдельный вопрос.

Перед отправкой он перечитал первый абзац: «В переданном мне пакете представлены семь обращений с общей заявленной суммой 2 180 000 рублей». Следующая фраза объясняла, что два обращения относятся к одной уже исполненной покупке, а часть остальных не подтверждена. Он соединил их в один абзац, чтобы никто не принял первую строку за самостоятельный результат.

В письме повторил запрет на использование имени и текста без окончательного согласия. Прикрепил файл, отправил.

Агата ответила через сорок минут: «Получила. Спасибо за внимательность. Завтра обсудим продолжение».

Роман закрыл ноутбук и увидел новое сообщение от Сони. Устинов разрешил передать ему короткий фрагмент со словами о четверге. Она прислала его, предупредив, что это отдельный экспорт, а не весь исходный файл.

Он сохранил запись рядом с отчётом.

В кадре Устинов смотрел куда-то мимо женщины с бумагами. Возможно, на человека, стоявшего за камерой. Возможно, на машину у дороги. Роман не мог этого установить. Он

несколько раз прослушал фразу «Принесите всё, что у вас есть», но после третьего раза она не стала понятнее.

Даша прислала фотографию новой вывески. Большая белая «Я», которую он держал в понедельник, заняла место в конце слова «СЕМЬЯ». Под буквами стояли Егор и две незнакомые девушки, все в рабочей одежде, перепачканные и довольные. Даша снимала, поэтому в кадр не попала.

Роман написал: «Красиво. А тебя где посмотреть?»

Она ответила снимком своих ладоней, в зелёных и белых пятнах.

Он долго смотрел на фотографию, прежде чем отправил ей обычное: «Молодец».

Глава 6. Старый номер

Утром Агата предложила встретиться без Устинова.

Роман спросил, изменилось ли что-нибудь в ответах на его вопросы. Она сказала, что вопросы постепенно меняются, и это нормально. Он ответил, что сначала хотел бы получить ответы на прежние.

— Вы уже отработали первый этап, — произнесла Агата. — Мы можем на этом закончить. Но тогда вы оставите историю людям, которые не будут так тщательно в ней разбираться.

— Вы сейчас предлагаете мне продолжить или предупреждаете, что обойдётесь без меня?

— Оба варианта существуют.

— Моя фамилия в одном из них участвует?

— Если договоримся.

— Пока не договорились.

Он положил телефон и вернулся к разговору, ради которого приехал в маленькую квартиру на первом этаже.

Настоящую покупательницу звали Оксана. Ей задерживали кухонный гарнитур, из которого привезли всё, кроме углового шкафа и одного фасада. На кухне стояли коробки, плиту отодвинули к окну, посуду держали на табуретах. Рядом с раковиной на стене темнел прямоугольник старой краски: там раньше висел шкаф, который семья успела выбросить.

— Я не хочу, чтобы их закрыли, — сказала Оксана. — Я хочу шкаф. Если вы напишете так, что они разбегутся, мне потом куда идти?

— Я не собираюсь требовать закрытия.

— Все сначала не собираются. Потом читаешь — люди возмущены, люди требуют. Я ничего не требую, кроме того, за что заплатила.

Она достала из конверта документы. Здесь имелось всё, чего не было у Дёмина: подробный перечень, модель, размер фасада, переписка о сроках. Роман сверил сумму и дату. Оксана разрешила записать её рассказ, но запретила публиковать адрес и фамилию мужа. Муж работал в организации, где «не любят, когда из-за дома начинаются разговоры».

— А вас устраивает, что не любят? — спросил Роман.

Оксана положила бумаги обратно в конверт.

— Меня сейчас не устраивает кухня. Давайте про неё.

Он извинился и записал обещанный магазином срок: пятница, двадцать третье мая, после обеда. Оксана показала последнее сообщение Ники. Та сама предложила привезти недостающую часть на служебной машине, если обычная доставка снова не состоится.

Когда Роман уходил, из комнаты вышел мальчик в школьной рубашке и спросил, можно ли поставить микроволновку на пол. Мать сказала, что можно, но сначала надо положить картон. Роман помог снять тяжёлый прибор с шаткого табурета, и мальчик принёс вырезанный кусок коробки. Вместе они устроили на полу временную кухню, в которой никто не хотел жить дольше пятницы.

В половине первого Роман написал в своих записях: «Реальная задержка. Возврат не требуется, нужна поставка». Подумал и добавил: «Не хочет участвовать в кампании».

В двенадцать сорок семь пришло сообщение от Устинова.

«Рябину пока не ставьте. Найду бумагу. Перезвоню».

Роман ответил: «Я ничего не публикую. Мне нужно подтверждение, кому и что передали».

Сообщение прочитали. Ответа не было.

Галина Львовна встретила его в помещении, которое называла архивом из уважения к собственному труду. По должности она занималась справочным фондом небольшого город-

ского издания, давно сократившегося до сайта и редких печатных выпусков. Здесь хранились подшивки газет, рекламные каталоги, старые фотографии и коробки, на которых сотрудники при переезде написали просто «Галине».

— Я нашла не всё, — сказала она вместо приветствия. — И ты мне потом не приписывай, что я подтвердила содержание. Я подтвердила, что это было напечатано.

— Мне как раз нужно, что было напечатано.

— Сейчас всем нужно. Как только бумагу выбросишь, немедленно выясняется, что без неё нельзя жить.

Она подвела его к столу и положила сверху лист картона, чтобы вырезки не просвечивали. На одном конце стола стоял стакан с карандашами, на другом — чашка чая под маленьким блюдцем.

— Рябова Клавдия Ильинична, — прочла Галина Львовна. — Магазин «Рябина». Две тысячи девятнадцатый. Жалобы на предоплату, невыполненные заказы, потом распродажа остатков. Вот здесь интервью. А здесь уже сообщение о закрытии.

Роман смотрел на чёрно-белую фотографию женщины у стеклянной двери. Женщина стояла боком к камере, держала в одной руке связку ключей, в другой — бумагу. Рот был открыт. В подписи говорилось, что владелица магазина отказывается отвечать покупателям.

— На фотографии она вроде отвечает, — заметил он.

— На фотографии она открыла рот. Что она делает, спрашивай у того, кто снимал.

Галина Львовна перевернула соседнюю вырезку, посмотрела, не записала ли дату с оборота. Потом подвинула ему лист.

— Это из ролика кадр. В исходном печатном выпуске ссылка была, у меня на вырезке не вся сохранилась.

На втором снимке перед магазином стояла небольшая группа. Мужчина с газетой под мышкой смотрел прямо в камеру. Его лицо из-за растра распалось на крупные точки. Роман задержал взгляд на подбородке, на положении головы. Что-то было знакомым, но назвать он не мог.

— Этого знаешь? — спросила Галина Львовна.

— Не уверен.

— Вот и не будь уверен по таким точкам. Я один раз собственного брата в газете не узнала. Двадцать лет ему потом объясняла.

Он сфотографировал вырезки целиком, с краями и подписями. Галина Львовна проследила, чтобы на снимке сохранилась дата номера.

Текст был короткий. Несколько покупателей рассказывали, что заплатили за товар, но вместо поставки получили обещания. Хозяйка якобы избегала разговора. В последнем абзаце сообщалось, что другой предприниматель готов помочь людям, выкупив часть остатков и организовав выдачу.

Предпринимателя звали Григорий Устинов.

Роман перечитал абзац.

— Кто написал?

— Здесь подписи нет. «По материалам редакции». Тогда половину таких заметок приносили уже готовыми. Я не скажу, кто именно эту принёс. Меня в выпуске не было.

— А кто может помнить?

Галина Львовна назвала двух людей. Один давно ушёл из журналистики, другая работала в другой редакции. Она согласилась передать им Романов номер и попросить связаться, если захотят.

— Я не могу дать тебе их телефоны как справочник, — сказала она. — Они мне их не для этого оставляли.

— Передай, пожалуйста.

Она записала просьбу на маленьком листке и положила его на клавиатуру.

— Рябова где теперь? — спросил Роман.

— Кто-то говорил, торгует посудой. Не в прежнем магазине. На крытом рынке, кажется. Только это я говорю со слов, не из фонда.

Он улыбнулся.

— Записал границу.

— Ты смейся. А потом из одного «кажется» вырастает чужая биография.

Галина Львовна достала ещё одну папку. Там были распечатки прежних страниц сайта. На одной сохранилось небольшое цветное изображение: коробки вдоль стены, в углу оранжевая полоса.

Роман наклонился.

— Можно это отдельно?

— Можно. Только лист не разгибай, он на скотче.

На коробке сверху различалась надпись о шести вытяжках. Не вся — последние буквы ушли в залом бумаги. Это мог быть тот же снимок, который он видел у Устинова, или другой кадр той же комнаты. Роман не стал выбирать по памяти. Сделал фотографию, увеличил у себя, записал признаки, которые действительно видел.

— А магазин где был?

Галина Львовна показала адрес в заметке. Роман переписал. Точного расположения он не помнил, но район представлял.

Они убрали вырезки. Роман помог переставить две коробки с верхней полки на стол. Одна оказалась значительно легче другой. Галина Львовна велела не складывать их рядом: в лёгкой были фотографии, которые легко перепутать с газетами и испортить.

— Ты из-за старого дела пришёл или из-за нового? — спросила она на прощание.

— Похоже, их кто-то связал.

— Обычно связывают люди. Дела сами лежат.

В коридоре Роман получил сообщение от Михаила. Тот спросил, сможет ли он завтра сказать несколько слов на встрече писательницы. Один из выступающих заболел, нужно было хотя бы открыть разговор.

Роман написал, что пока не знает, и спросил, где Михаил сейчас.

«В библиотеке. С четырёх расставляем. Заходи, если рядом».

Он решил зайти. Ему хотелось показать старую заметку человеку, который мог знать, как такие материалы попадали в редакции. Отдельно хотелось поговорить с кем-то, кто не был очередным адресом из списка Агаты.

В библиотечном зале пахло книгами и свежевымытой тканью. Между рядами стульев стояла стремянка. Михаил настраивал микрофон, а женщина в очках выбирала, где поставить воду, чтобы не пролили на удлинитель. За столом сидела автор завтрашней книги, маленькая, прямая, в ярком шарфе. На коленях у неё лежала сумка, из которой торчали два помеченных закладками экземпляра.

— Роман Лаптев, — представил его Михаил. — Журналист. Если согласится, завтра поможет нам разговор начать.

— Только не спрашивайте, откуда я беру сюжеты, — сказала женщина. — Я уже не знаю, что отвечать.

— Спрошу, куда вы их деваете, когда они не помещаются.

Она рассмеялась и показала на сумку:

— Вот туда. Всё время тяжёлая.

Михаил попросил Романа подержать стойку, пока он затягивает крепление. Микрофон опускался к полу. После третьей попытки остался на нужной высоте.

— Теперь только не трогать, — сказал Михаил.

— Автора тоже? — спросила библиотекарь.

— Автора можно. Автор надёжнее оборудования.

Они проверили звук. Роман несколько раз произнёс название книги, которое прочитал на обложке, потом отошёл в сторону и показал Михаилу старую заметку.

Тот просмотрел её на экране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.